Елена Первушина

Ближний круг российских императоров

Дружба и служба

Елена Владимировна Первушина
Ближний круг российских императоров

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69470314
Ближний круг российских императоров. Дружба и служба:
Центрполиграф; М.; 2023
ISBN 978-5-227-10416-8

Аннотация

Никто не может жить без друзей. Но очень непросто завести их, если ты принадлежишь к правящей семье и все жители страны являются твоими верноподданными. Да и сама атмосфера дворца не способствует искренности и откровенности. Удалось ли российским императорам и императрицам завязать настоящие, крепкие дружеские отношения? И как эти отношения повлияли на историю России? Об этом расскажет книга. Разумеется, в ней упомянуты не все люди, которые оказывались рядом с царями и императорами династии Романовых на протяжении 300 лет ее правления. Для того чтобы перечислить всех и выявить то влияние, которое они оказали на императоров и на ход русской истории, потребовалась бы целая библиотека… И тем не менее история озвученного периода оставила нам множество интересных биографий людей, которые далеко не всегда являлись

образцами нравственности и ума, но жили ярко и яростно, пытаясь воплотить в реальность свои мечты, и даже их ошибки могут многому нас научить.

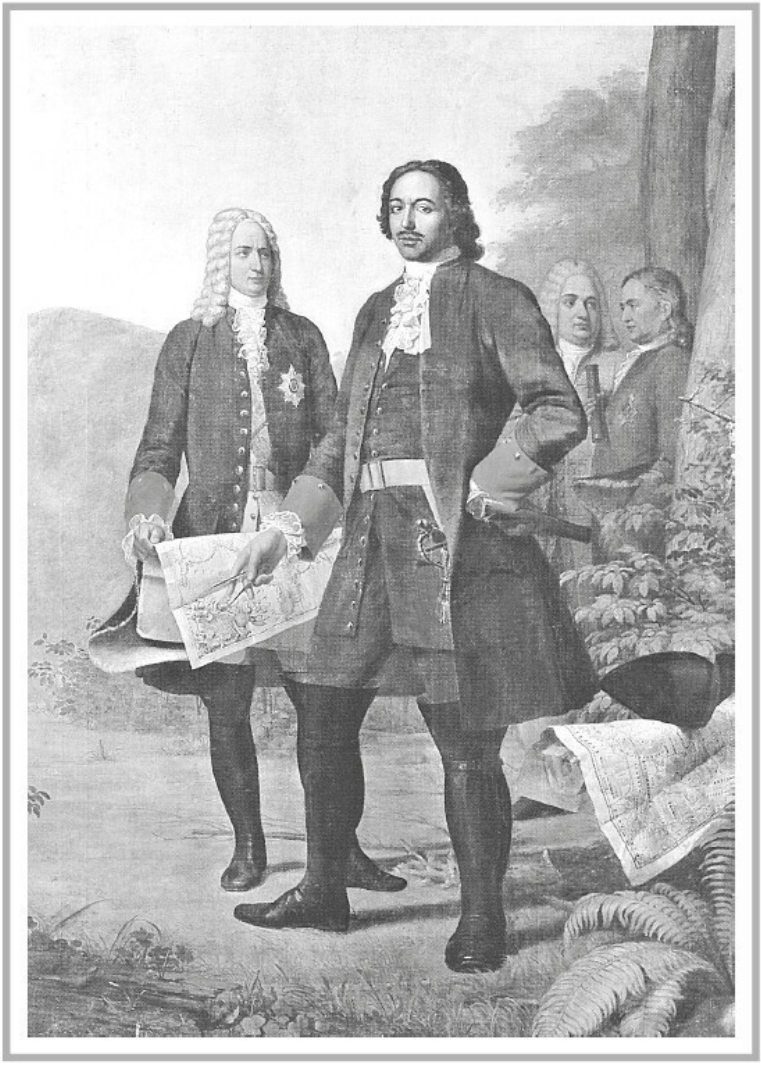
В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие 7
Глава 1. «Камрады» Петра I 10
Петр I – семейный портрет в интерьере 10
Потешные ребята 17
Опасное наследство 26
Петр в Немецкой слободе 42
Война в семье 48
Князь Куракин: из спальников царя в русские дипломаты 57
Птенцы гнезда Петрова 65
Царев токарь – Андрей Нартов 86
Царевна Наталья – сестра и единомышленница 94
«Князь-папа» и другие личины 103
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Елена Владимировна Первушина
Ближний круг российских императоров. Дружба и служба

© Первушина Е.В., 2023
© «Центрполиграф», 2023



Предисловие

20 апреля 1834 г. Александр Сергеевич Пушкин пишет письмо Наталье Николаевне из Петербурга в Москву: «Ангел мой женка! сейчас получил я твое письмо из Бронниц – и сердечно тебя благодарю. <…> Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет…»

День спустя, в воскресенье, он заканчивает письмо: «Воскресение… Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлин, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все

нет. Жаль и досадно. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, все это произвело сильное действие. С одной стороны я очень жалею, что не видал сцены исторической, и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю…»

Пушкин никогда не забывал, что он – дворянин из старого, еще допетровского рода, что «водились Пушкины с царями, из них был славен не один». Придворная жизнь никогда не привлекала его, в «ближний круг» царя он попадал лишь поневоле, и не чаял от этой близости добра. И все же «придворные новости» – праздники по случаю совершеннолетия наследника, великого князя Александра Николаевича, придворные назначения его живо интересуют, его волнует «как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой».

Так же относились к царской семье многие дворянские семьи, жившие в двух столицах, – не как к небожителям. Скорее, как к могущественным соседям, с которыми приходится считаться, которых они искренне (или не очень искренне) уважают, а иногда даже обожают, но с которыми можно и поспорить, если вопрос принципиальный. Когда же дворяне поступали на придворную службу, между ними и императорами могли завязаться более близкие и дружеские отношения. Ни один человек не может жить без друзей, без тех, кому он доверяет, с кем может быть искренним. Но очень непросто завести их, если ты принадлежишь к правящей се-

мье и все жители страны являются твоими верноподданными. Да и сама атмосфера дворца не способствует искренности и откровенности. И все же у каждого императора были люди, которых он мог назвать своими друзьями, но искренняя ли эта дружба? Или она становилась лишь одним из рычагов влияния на монарха? Как сами императоры и императрицы относились к людям из своего ближнего круга? Как эти отношения повлияли на историю России? Об этом расскажет книга.

Глава 1. «Камрады» Петра I

Петр I – семейный портрет в интерьере

«Ты царь: живи один!» – писал Александр Сергеевич Пушкин, подразумевая под царем поэта. Но и настоящий царь – фигура в русской истории, к которой было привлечено пристальное внимание Пушкина, одинок. Одинок и тогда, когда стоит «на берегу пустынных волн» и представляет себе будущий город, одинок, когда ночью сражается со стихией хаоса, желающей поглотить его детище.

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

«Медный всадник» написан в 1833 г., но Пушкин словно возвращается в дни юности, или вернее – передает им последний привет. Петр I в его поэме – личность байроническая, гордый Каин, поднявший мятеж против Бога. В то время как бедный дворянин Евгений и его возлюбленная мещаночка Параша пришли прямиком из сентиментальной повести рубежа XVIII и XIX вв.

Есть в поэзии Пушкина и другой образ Петра, лишенный демонических черт. Он неустанный труженик, созидатель, и если казнит, то лишь по справедливости, – в ответ на мятеж, но милует смелых и честных.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.
Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Что не удивительно, ведь речь идет об обращении к потомку Петра – Николаю I. Но и здесь Петр снова один. Он созидает и разрушает в одиночестве, как и положено романтическому герою.

Между тем существует и другой образ Петра – прежде всего, члена, а потом и главы большой семьи бояр Романовых. Семьи, которой не всегда было просто удержать за собой российский престол. Кто мог видеть Петра таким? Не демоном, не полубогом, а человеком среди людей?

В последней трети XVIII в. императрица Екатерина II начала писать фантастическую пьесу о портретах, висящих в галерее Чесменского дворца. Этот маленький и ныне почти совсем забытый путевой дворец на Царскосельской дороге построен в 1774–1777 гг. по проекту архитектора Георга Фельтена. Дворец предназначался для отдыха императрицы и ее приближенных на пути в Царское Село. Екатерина решила назвать его Чесменским, в честь великой победы русского флота под Чесмой 24–26 июня (5–7 июля) 1770 г. Рядом с дворцом по проекту Фельтена построена чудесная неоготическая церковь Св. Иоанна Предтечи, а в залах дворца стали собираться члены ордена Св. Георгия Победоносца, учрежденного императрицей в 1769 г.

Для внутреннего убранства дворца императрица заказала коллекцию живописных портретов членов правящих династий Европы. Портреты весели в центральном зале и десяти

прилегающих к ним комнатах. А еще дворец украсили барельефы Федора Шубина, изображавшие русских князей, царей, императоров и императриц, начиная с Рюрика и заканчивая Елизаветой Петровной.

Вероятно, однажды, когда Екатерина отдыхала во дворце, ей пришла в голову мысль: а что если бы эти портреты могли говорить? Вряд ли они стали бы петь дифирамбы друг другу! Скорее всего, у них нашлось бы немало колкостей, которыми они не замедлили бы поделиться с «коллегами».

Например, вот портреты двух первых Романовых, отца и сына: царя Михаила Федоровича и царя Алексея Михайловича. Что они будут обсуждать? Конечно, семейные дела! Екатерина пишет:

«*Царь Михаил* (*царю Алексею*): Мне кажется, мой сын, что все раздоры, случившиеся в вашей семье, произошли оттого, что после смерти вашей первой супруги, имея дом, переполненный большими детьми, вы женились вторично.

Царь Алексей: Что вы хотите, дорогой отец, я думал, что поступаю хорошо. У меня было два сына и пятеро дочерей; оба сына показались мне болезненными. Я был еще молод и снова женился; я сделал выбор, который, как мне показалось, не должен внушать кому-либо опасения, учитывая заурядность семьи моей второй супруги. К несчастью, у нее было много братьев, пороки и недостатки которых, а особенно хвастовство, могли бы нанести большой вред и даже погубить моего сына Петра, если бы тот не пришел в мир на-

деленный гениальностью и исключительными качествами».

Разумеется, это неслучайно. Гениальность Петра, которую никто не оспаривал, стала еще одним «брендом» Екатерины. При ее жизни в Петербурге возведен знаменитый Медный всадник, и неслучайно его пьедестал украшала надпись «Petro Primo – Ekaterina Sekunda» – «Петру Первому – Екатерина Вторая». Так, в обход всякой генеалогии, Екатерина пыталась утвердить себя «в памяти народной», как истинная наследница Петра, если не по крови, то по духу.

Конечно, Екатерина не знала Петра лично, но ей пришлось прожить более 15 лет под властью его дочери – императрицы Елизаветы Петровны. Отношения русской царицы и немецкой принцессы не всегда складывались гладко, разумеется, от самой Елизаветы и ее приближенных Екатерина могла много узнать об отношениях в семье Петра, и не упустила возможности посплетничать. При этом она не щадит даже своего кумира – Петра I.

Вот какую беседу ведет в пьесе Екатерины его портрет, с портретом его племянницы – русской императрицы Анны Иоанновны:

«*Анна I: Мой* дядя Петр I очень высоко меня ценил; он много раз говорил… что очень недоволен тем, что я не мальчик.

Петр I: Это верно, племянница, что я вас ценил; это дало пищу для сплетен, будто вы моя дочь. Но, по правде говоря, у меня слишком много присутствия духа, чтобы ра-

ботать, достигая мастерства. Я любил вас потому, что ваш сдержанный мужской ум позволял мне предвидеть, что вы мыслите более широкими категориями, чем как другая дама нашего рода, только и способная, что повторять избитые истины, в которых злословие играет главную роль, которое я так ненавидел, потому что жестоко страдал от него. Я видел, как часто это начинается в семьях и заканчивается тем, что вся империя оказывается охвачена пожаром. Помните время, когда я стоял на коленях у изголовья вашей умирающей матери (она была из дома Салтыковых и ее звали Прасковья Федоровна. – *Е. П.*) и молил ее снять с вас и ваших сестер проклятие, которое она на вас ранее наложила. С трудом я добился, чтобы она оказала милость (зачеркнуто «я добился этого только для вас». – *Е. П.*) вам; ваши сестры остались прокляты.

Анна I: Если бы мой дорогой отец был жив, возможно, с ним произошло бы то же самое.

Петр I: Если бы обстоятельства не сложились так, что сестра София стала моим врагом, я охотно воспользовался бы ее советами. Она была очень талантлива, но слишком слушалась родителей своей матери (Мария Ильинична Милославская. – *Е. П.*) и особенно своего дяди Милославского, который был очень враждебно настроен против семьи моей матери (Наталия Кирилловна Нарышкина. – *Е. П.*).

Царь Федор: При моей жизни, брат, мы все жили в мире; я почитал вашу мать, хоть она и не была моей матерью. Мои

пять сестер, старшие из которых были старше нашей мачехи, следовали моему примеру. Но, по правде говоря, брат, у вашей матери были родственники такого же надменного как и ограниченного ума. Их недостатки способствовали тому, что завистники становились их врагами. Эти пороки были известны даже моему отцу; он не раз заставлял их браться за их исправление».

Разумеется, пьеса, да еще сатирическая, не может служить историческим источником. Но она хорошо передает ту атмосферу «змеиного клубка», в которой протекало детство и юность Петра. Семья Романовых и в самом деле была очень большая, и вряд ли ее можно назвать дружной. Слишком много властолюбивых людей, интриги и распри, разыгрывавшиеся в XVII в. в Москве, достойны «Игры Престолов». Казалось бы, о дружбе в такой ситуации не может быть и речи, тем не менее, именно друзья – единственная опора юного Петра, единственные люди, стоявшие между ним и его врагами. Но мог ли он до конца доверять своим друзьям?

Потешные ребята

Дружба с отпрыском царской фамилии часто оказывалась службой в самом буквальном смысле этого слова. Это уже стало традицией в доме Романовых. Ватагу «потешных ребят» собирал когда-то царь Алексей для своего старшего сына – Федора. Теперь же, после смерти Алексея, это сделал сам Федор для своего младшего брата.

Собирал сыновей приближенных к семье бояр и князей – спальников[1], стольников[2], сокольничих[3], конюших[4] и т. д.

---

[1] Спальник – придворная должность в Русском государстве кон. XV–XVII вв., подчинялся постельничему. Дежурил в комнатах царя, сопровождал его в поездках.

[2] Стольник – дворцовый, затем придворный чин в Русском государстве XIII–XVII вв. Стольники прислуживали во время торжественных трапез («столов») у великих князей и царей, служили у царей «в комнатах» и сопровождали их в поездках. Стольники назначались также на воеводские, посольские, приказные и др. должности. В XVII в. особо приближенные к царю стольники назывались «ближними», или «комнатными». По росписи чинов XVII в. стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков.

[3] Сокольничий – должность в великокняжеском (затем царском) хозяйстве с середины XIV в., во 2-й половине XVI–XVII в. придворный чин, заведовал царской охотой. В кон. XVI–XVII вв. – глава Сокольничего приказа.

[4] Конюший – придворный чин в Русском государстве XV–XVII вв., ведет свое происхождение от княжеского титула – конюшего XI–XII вв. С конца XV в. конюшие возглавляли Конюшенный приказ. В XVI в. эта должность связана с организацией конных дворцовых войск и поэтому считалась высшим «думным» чином. Конюшие И.Ф. Овчина-Телепнев и Б.Ф. Годунов даже возглавляли правительство.

Вначале – около 50 ребят, которым для игр отвели площадку напротив Кремлевского дворца, но часто увозили в подмосковные царские усадьбы, например, в села Воробьево и Преображенское, где на берегу реки Яузы возводится «потешный» земляной городок «Прешбург» (по имени австрийской крепости «Пресбург», ныне – Братислава). Для ребят сделали деревянные пушки, ружья, палаши, сшили маленькие стрелецкие кафтаны. Как-то однажды юный Петр вместе со своими «потешными ребятами» нашел в амбаре маленький ботик. Конечно же, мальчикам сразу захотелось спустить ботик на воду. В Москве нашелся ко рабельный мастер из Голландии Карстен Брандт. Он починил ботик и заново оснастил его, и вот уже Петр со своей ватагой бороздит воды пруда в Измайлове. Потом построили второй ботик и назвали его «Фортуна», потом – третий, и скоро в пруду плавал целый маленький флот. «Потехи» для Петра устраивали и в селах Семеновское и Кожухово.

Позже по приказу наследника из оружейных палат доставили настоящие мушкеты, фузеи, пищали, ядра, пули и порох. Для обучения приглашали иностранных военных инженеров из Немецкой слободы: знатока фортификации голландца Франца Тиммермана, Федора Зоммерома (специалиста в подрывном деле), артиллериста Патрика Гордона.

Некоторые из этих учителей остались с Петром до конца. Тиммерман участвовал в Азовском походе, а о Патрике Гордоне один из друзей и биографов Петра Андрей Нартов рас-

сказывает такую историю: «Славный генерал Патрик Гордон, оказавший против турок и татар и при внутренних мятежах против стрельцов храбрые России услуги, в 1699 году заболел опасно. Государь, посещая его вседневно в болезни, был при самой его смерти, и когда скончался, то закрыл Его Величество ему очи своею рукою и потом поцеловал его в лоб, а при великолепном погребении сего мужа присутствовавшим чужестранцам и со слезами провозгласил: “Я и государство лишились усердного, верного и храброго генерала. Когда б не Гордон, Москве было бы великое бедствие”. Потом, когда поставили гроб в могилу, то государь, кинув туда земли, сказал к предстоящим: “Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом”. Сей чужестранец, по сказанию тех, кои его лично знали, любим был не только Петром Великим, но и подданными его. Смерть его была сожалением всеобщим».

Князь Куракин, с которым нам еще предстоит познакомиться, вспоминает: «И по склонности своей Его Величество к иноземческому всему тогда ж начал учиться всем экзерциициям и языку голландскому. И за мастера того языку был дьяк Посольского приказу, породою голландец, Андрей Виниус, человек умной и состояния доброго. А для экзерциций на шпагах и лошадях – датчанин сын Андрея Бутенанта[5], а для математики и фортификации и других артей, как токарнаго мастерства и для огней артофициальных един гам-

[5] Кревет (Крефт) Андрей Юрьевич, переводчик Посольского приказа.

бурченин Франц Тимарман, а для экзерциций солдатского строю еще в малых своих летах обучился от одного стрельца Присвова, Обросима Белаго полку, а по барабаном от старосты барабанщиков Федора Стремянного полку, а танцевать по-польски с одной практики в доме Лефорта помянутого…»

Петр и «потешные ребята» не только вместе учились, но и развлекались. Князь Куракин рассказывает: «Его ж Величество имел великую охоту к артиллерным делам и к огню артофициальному и сам своими руками работал по вся зимы. Как тогда обычай был на конец кроновала или на Масленице на Пресне, в деревне Их Величества, по вся годы, потехи огненные были деланы. И правда, надобное сие описать, понеже делано было с великим иждивением, и забава прямая была мажесте[6].

Их Величества и весь Двор в четверг на Масленице съезжали в шато свое на Пресне и живали дня по два; где на обоих дворцах бывали приготовления потех: на одном дворце с Пушкарного двора, а другом дворце с Потешного дворца строения рук Его Величества. Тут же сваживали пушек, по полтораста, для стрельбы в цель. И в назначенной день тем потехам поутру начнется стрельба из пушек в цель и продолжается до обеду; и которой пушкарь убьет в цель бывало награждение каждому по 5 рублей денег и по сукну красному или зеленому на кафтан.

---

[6] Majestic (*англ.*) – великолепная, впечатляющая.

И потом обед даван был всем палатным людям, а по обеде до вечера чинится приготовление потех огненных и, чем ночь настенет, начинаются оные потехи и продолжаются временем за полночь.

И на завтрие Их Величества возвращаются к Москве».

Историкам известно имя Сергея Леонтьевича Бухво стова, которого Петр называл «первым российским солдатом». Современники Бухвостова утверждали, что тот «был росту среднего, силен, тверд, скромен и весьма воздержан», принадлежал дворянскому роду, в котором было немало военных. Один из его предков, Иван Бухвостов, в 1552 г. служил в войске царя Ивана Грозного, участвовал в штурме Казани и погиб под ее стенами, Евстафий Бухвостов в 1634 г. пал смертью храбрых при обороне Смоленска от польских войск.

Ко Двору Бухвостов попал в возрасте 32 лет, поступив на место умершего отца, стал стремянным конюхом – должность для дворянина почетная, т. к. стремянный конюх еще и телохранитель царя, 40-летним взят к Петру I для «потех». И через год «самоохотно» первым явился для записи в потешные. В конце марта 1686 г. указом Петра I назначен в потешные пушкари и участвовал вместе с ним во всех его военных походах. Надо сказать, что артиллерию Петр любил ничуть не меньше, чем военный флот, и с гордостью носил звание капитана бомбардирской роты Преображенского полка.

Начиналось это как детское увлечение, но быстро превратилось в «государственное дело» – создание армии нового

типа с огнестрельным оружием и кораблями XVIII в. фрегатами и линейными кораблями.

Но вернемся к судьбе «первого солдата». С 1697 г. Сергей Леонтьевич назначен капралом бомбардирской роты Преображенского полка. Участвовал почти во всех военных кампаниях Петра I, бился с турками и шведами. По легенде, именно он во время Полтавского похода метким выстрелом ранил Карла XII. За боевую доблесть, проявленную в Полтавской баталии, из рук царя получил золотую медаль. За отличия в Северной войне произведен в подпоручики (1706 г.). Позже Петр I пожаловал ему майорский чин и назначил заведовать артиллерией Петербургского гарнизона.

С.Л. Бухвостов

По приказу Петра I скульптор Бартоломео Карло Растрел-

ли (отец строителя Зимнего дворца) отлил бронзовый бюст Бухвостова. Скончался Бухвостов в 1728 г. в возрасте 66 лет. Его не очень большое наследство отошло младшему брату Флору Бухвостову, служившему в петровской кавалерии ротмистром. Внук Флора Леонтьевича премьер-майор Иван Бухвостов стал первым кавалером военного ордена Св. Георгия Победоносца, который императрица Екатерина II вручила ему за храбрость и отвагу при взятии турецкой крепости Бендеры. Уже в 1691 г. «потешные войска» получили правильную организацию и разделились на два полка, Преображенский и Семеновский, обмундирование они получают по западноевропейскому образцу. В каждый полк набрали более тысячи человек. Еще одним человеком, который с юных лет сопровождал Петра и которого царь не однажды называл «камрадом», т. е. другом, его денщик Алексашка Меншиков. Документы ничего не говорят о том, как впервые встретились два «камрада», но как всегда бывает в таких случаях, на помощь приходит легенда. Некто Вильбоа, француз на русской службе, рассказывает сентиментальную историю о сметливом мальчике, отец которого «был крестьянин, получавший пропитание от продажи пирожков при воротах кремлевских, где завел он маленькую пирожковую лавочку». Юный Меншиков продавал пироги стрельцам и солдатам, с шутками и прибаутками, а из окна Кремлевского дворца за ним наблюдал царевич Петр. «Однажды, – писал Вильбоа, – когда он сильно кричал, потому что какой-то стрелец выдрал

его за уши, уже не шутя, царь послал сказать стрельцу, чтобы он перестал обижать бедного мальчика, а с тем вместе велел представить к себе проказника продавца пирожков». Самое раннее упоминание о Меншикове относится к 1694 г. Но, скорее всего, Меншиков находился рядом с Петром в те дни, когда молодому царю грозила смертельная опасность. Тогда Петр убедился в его сметливости, расторопности, исполнительности, а главное – в верности и в том, что Алексашке можно доверить жизнь. Можно дать ему поручение и не сомневаться, что оно будет выполнено, что он не предаст, не нанесет удар в спину, а это очень важно для молодого царя.

В то время как дети играли в войну, взрослые втянулись в гораздо более опасную игру – борьбу за власть.

Опасное наследство

«Враг человеку – домашние его», – эта максима верна не для каждой семьи. Но положение в семье Романовых в конце XVII в. она описывала практически идеально. Вспомним слова, которые Екатерина II приписала царю Михаилу – родоначальнику династии и деду Петра I: «Мне кажется, мой сын, что все раздоры, случившиеся в Вашей семье, произошли оттого, что после смерти Вашей первой супруги, имея дом, переполненный большим детьми, вы женились вторично». О чем идет речь?

В первый раз Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской. Брак был счастливый; Алексей Михайлович нежно любил свою жену. Когда впоследствии она забеременела, царь просил митрополита Никона молиться, чтобы ее «разнес Бог с ребеночком», и выражался в своем письме такими словами: «А какой грех станетца, и мне, ей-ей, пропасть с кручины; Бога ради, моли за нее».

Алексей, вошедший в историю с титулом Тишайший, – весьма деятельный царь, он не только успешно ходил в военные походы, как это и полагалось государю, но делал нечто, чего до него не делал ни один русский царь – при нем начала издаваться первая русская газета «Куранты». Зарождалась эта газета в Посольском приказе и должна была ставить царя и боярскую думу в известность о событиях за рубежом. Для

этого поступающие в Посольский приказ зарубежные газеты, журналы и ведомости переводились на русский язык, затем из них отбирались важнейшие материалы и составляли, как сказали бы сейчас «дайджест», дополняя сведениями из писем русских людей, находящихся за рубежом, и отчетов послов.

Да, именно так. Еще до Петра русские цари пристально следили за Европой и не стеснялись при случае перенять все, что считали полезным. Например, Алексей основал в Москве Немецкую слободу – поселение, как сказали бы сейчас, «иностранных специалистов». Позже его сын будет проводить в этой слободе немало времени и почерпнет немало идей. А пока царица Мария Милославская что ни год, рожала царю то сына, то дочь, пока не умерла от родовой горячки в 1669 г. Через два года Алексей Михайлович женился на молодой и веселой боярской дочери Наталье Нарышкиной.

Алексей Тишайший

Наталья Нарышкина получила необычное для своего вре-

мени воспитание. Если среди мужчин высшего сословия подражать европейцам уже не что-то из ряда вон выходящее, то для женщин – это еще редкость. Тем не менее, Наталья выросла в доме друга царя – боярина Артамона Матвеева, большого любителя наук. Свои палаты он обставил на западный манер, а его жена – шотландка Мария Гамильтон, дочь роялиста, покинувшего Британию после казни короля Карла I, завела в доме европейские порядки. Кстати, узнав о казни Карла, Алексей сразу выслал из России всех британских торговцев, выразив свое возмущение, а заодно освободив рынок для русских купцов.

Мария Гамильтон – настоящая светская дама, умевшая бывать в обществе и вести просвещенные беседы с гостями мужа. В том же духе она воспитывала свою приемную дочь.

Вероятно, Алексей Михайлович не смог устоять против столь редкого на Руси удовольствия: беседы с умной изящной девушкой, державшейся одновременно скромно и непринужденно. Он выбрал ее себе в жены из 70 невест, прибывших по традиции на царские смотрины. «Нынешняя царица Наталья хотя отечественные обычаи сохраняет ненарушимо, однако ж будучи одарена сильным умом и характером возвышенным не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее. Мы два раза видели ее в Москве, когда она была еще девицею. Это женщина в самых цветущих летах… лице имеет приятное… чело высокое… голос звонкий и приятный и манеры самые грациозные», –

пишет о Нарышкиной Якоб Рейтенфельс.

«Свобода и веселье» молодой царицы удивляли иностранцев и вызывали недовольные толки у соотечественников. В начале своей жизни Алексей Михайлович – очень серьезный и набожный юноша. На их свадьбе с Марией Милославской даже не было скоморохов, хотя обычай предписывал их участие в торжествах. Теперь же с молодой царицей он катался по столице в карете с незанавешенными окнами, что шокировало москвичей.

Н.К. Нарышкина

Правда, молодой царице тут же «дали окорот». Якоб Рейтенфельс приводит такой случай: «Русские так привыкли к скромному образу жизни своих государынь, что когда нынешняя царица (Наталья Кирилловна Нарышкина), проезжая первый раз посреди народа, только открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку. Впрочем, когда ей объяснили это, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью».

Наталья Кирилловна старалась соблюдать все установления, но Алексею хотелось удивить и порадовать ее. И он задумал небывалую прежде потеху – театральное действо. Поскольку он был благоразумным царем, то советовался со своими боярами, стоит ли вводить на Руси этот иноземный обычай. Ему ответили, что подобные представления случались при дворе византийских императоров, и что при дворах европейских государей – тоже принято. Этот замечательный ответ дает нам понять, что дело не в Наталье Кирилловне – за последние годы Россия, пусть медленно, но уверенно поворачивалась к Европе лицом, пытаясь сохранить свои, присущие только ей черты.

Пьеса «Эсфирь», или «Артаксерксово действо», стала личным посланием царя к царице, посланием, поднесенным с безупречной галантностью. Ее ставили в летней резиденции царской семьи – подмосковном селе Преображенское. Автор пьесы и режиссер лютеранский пастор Иоганн Готф-

рид Грегори, проживавший тогда в Москве. Он собрал 64 подростков – детей служилых и торговых иноземцев и обучил их театральной науке. Пьеса была рассчитана на 10 часов игры, но царь смотрел ее, не сходя с места и не мудрено – некоторые монологи пьесы звучали как страстное признание в любви Наталье, которое в реальной жизни было неуместно для его царственной особы:

О живота моего утешение
И сердца моего усложденіе!
Скорь бо в грудех моих пребывает,
Зане сила ми оскудевает,
Яко же сердце мое желает изъявити,
Како тя души моего сердца имам любити!

В следующем, 1673 г., Грегори поставил второй спектакль и тоже на библейский сюжет «Комедия из книги Иудифь», или «Олоферново действо». Под его легким пером история суровой патриотки Юдифи, казнившей вражеского полководца Олоферна, превратилась также в историю любви. Олоферн говорил Юдифи: «Не зрише ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хощу же говорити, но языком больши прорещи не могу. Хощу, хощу, но не могу же, не тако от вина, яко от силы красоты твоея низпадаю!»

Два старших сына царя умерли еще при его жизни. Первенец – младенцем, второй – уже представленный народу как

наследник – 15-летним. Наталья Кирилловна успела родить царю трех детей: сына Петра – крепкого, живого и сообразительного мальчика, дочь, названную по имени матери Натальей, и еще одну дочь – Феодору, но малышка умерла через год.

В день кончины царя, старшему сыну Федору исполнилось 15 лет, второму сыну, Иоанну – 10, а Петру всего 4 года.

Вопрос наследования решился просто: Федора провозгласили царем. Вдовая царица с малолетними детьми осталась жить во дворце на женской половине вместе с царевнами: 29-летней Евдокией, 24-летней Марфой, 19-летней Софьей, 18-летней Екатериной, 16-летней Марией и 14-летней Феодосией.

Вокруг царевен начала формироваться некая политическая партия, враждебная царице. Николая Иванович Костомаров пишет: «Шестеро сестер нового государя ненавидели мачеху Наталью Кирилловну; с ними заодно были и тетки, старые девы, дочери царя Михаила; около них естественно собрался кружок бояр; ненависть к Наталье Кирилловне распространялась на родственников и на сторонников последней. Прежде всех и более всех должен был потерпеть Артамон Сергеевич Матвеев как воспитатель царицы Натальи и самый сильный человек в последние годы прошлого царствования».

Федор Алексеевич начал масштабную перестройку Московского Кремля и Москвы в целом. При этом особый упор

делался на строительстве светских зданий, почти 10 000 из них были каменными. Кредиты на их строительство Федор щедро раздавал из государственной казны, также созданы новые противопожарные службы. По приказу царя в Кремле разбили новые висячие сады.

Легенда гласит, что Федор хотел отселить Наталью Нарышкину с детьми подальше от царского дворца. Когда же она наотрез отказалась, он не стал спорить, а… перенес сам дворец. Так это было не самом деле, или нет, но ясно одно, что Федору не за что любить «партию Нарышкиных», хотя к вдове своего отца и к ее детям он относился с неизменным уважением, заботился о них, как и подобало главе семьи. Так, для маленького Петра он приказал сделать специальную палату для игр, в которой были лошадки, барабаны, солдатики, пушки и походные шатры. Он же приказал собрать для Петра «потешную ватагу».

В те годы царевна Софья находилась рядом с братом. Забота о больном, к которому она была искренне привязана, помогала ей выйти из своих покоев и участвовать в обсуждении политики, в заседаниях боярской думы хотя бы только в качестве слушательницы. А слушала она, как показало будущее, очень внимательно. Вероятно, она оценила разумную рачительность брата и сделала свои выводы. К ней начинают обращаться с просьбами: донести до царя ту или иную челобитную, она словно выходит из «зоны невидимости», в которой должны были пребывать русские царевны.

Править Федору довелось всего шесть лет. За столь короткий срок Федор сделал поразительно много. Кроме того, за это время он успел жениться, и жена родила ему сына Илью. Федору удалось то, что не удалось его отцу и деду: он женился по любви – Аграфена Грушецкая, наполовину полячка, не принадлежала к знатному роду. Бояре, не желавшие этого брака, клеветали на нее и обвиняли в распутстве, но в отличие от Михаила и Алексея, Федор сумел настоять на своем.

В тот год, что он прожил с женой во дворце, были заведены новые порядки: на пиры не пускали гостей в длиннополых кафтанах, царь считал, что они напоминают женские платья, и предпочитал одежду на польский манер и польские шапки, оставлявшие волосы открытыми. Бороды при Федоре не рубили насильно, а брили, повинуясь диктату новой моды. Но через год молодая царица умерла в родах, а через десять дней скончался и младенец.

Уже тяжелобольного Федора спешно женили, детей во втором браке у него не было. Когда он скончался, так и не оставив наследника, стало понятно, что Россию ожидает новая кровопролитная битва за власть.

В этой борьбе у Милославских был, как сказали бы шахматисты, «выигрыш темпа» – следующий по старшинству сын Алексея Михайловича – Иоанн, которому уже пятнадцать лет, т. е. вполне легитимный возраст для коронации. Михаил в свое время был не старше, когда взошел на трон.

Но у Нарышкиных «выигрыш качества»: Иоанн болезнен-

ный, как его старший брат, а по слухам, еще и слаб умом, тогда, как Петр – крепкий, смышленый и живой мальчик. И Нарышкиным удается «провести свою пешку в ферзи», т. е. короновать своего ставленника – 10-летнего Петра.

Неожиданно Софья понимает, какую партию нужно разыграть. Во всяком случае для московских бояр ее следующий ход стал для них полной неожиданностью. На похоронах Федора, вопреки всем обычаям и приличиям, царевна вышла из своего терема, приняла участие в погребальном шествии, шагая за катафалком наравне с Петром. И не молчала! Напротив, громко плача, царевна объявила, что царя Федора отравили враги, и молила не губить ее с братом Иоанном, а позволить им уехать за границу. «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравою от врагов! – причитала Софья. – Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата-царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям…» Разумеется, бояре тут же принялись уверять царевну и царевича, что никуда их не отпустят и позаботятся об их попранных правах. Царица Наталья с малолетним царем, не достояв церковной службы, удалились в свои покои.

Комбинация разыграна успешно, и Петру с Натальей грозит шах. И прежде чем они начнут контратаковать, нужно сделать следующий ход.

Незадолго до смерти Федора стрельцы подали ему челобитную о том, что полковник Грибоедов забирает у них бóльшую часть жалования. Федор успел написать указ: Грибоедова лишить имущества и сослать в Сибирь.

То ли стрельцы так и не успокоились, то ли кто-то искусно подогревал их недовольство, но 15 мая 1682 г. стрельцы являются к Кремлю с криками, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Наталья Кирилловна пытаясь успокоить их, вышла на Красное крыльцо вместе с патриархом, боярами, царем Петром и царевичем Иоанном. Однако это не усмирило восставших. Пешки решительно атаковали фигуры.

Вот как историк Костомаров описывает апогей стрелецкого бунта. Стрельцы ищут Ивана Нарышкина, брата царицы Натальи, который, по слухам, надевал на себя царский венец и садился на трон, а когда Софья и Иоанн стали его укорять, то он накинулся на них с кулаками, а потом едва не задушил Иоанна.

«На другой день, – рассказывает Костомаров, – часов в десять утра, опять раздался набат; стрельцы с барабанным боем и криками явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Им ответили, что его нет. Снова стрельцы ворвались во дворец искать свою жертву, убили думного дьяка Аверкия Кириллова, убили бывшего своего полковника Дохтурова… <…>

Тут царевна Софья начала говорить царице Наталье: “Никоим образом нельзя тебе избыть, чтоб не выдать Ивана

Кирилловича Нарышкина. Разве нам всем пропадать из-за него?” Царица отправилась с царевной в церковь “Спаса за Золотой Решеткою” и приказала привести туда Ивана. Иван Нарышкин вышел из своего закоулка, причастился Св. Тайн и соборовался. Софья изъявляла сожаление о его судьбе и сама дала царице Наталье образ Богородицы, чтобы та передала своему брату. “Быть может, – говорила Софья, – стрельцы устрашатся этой святой иконы и отпустят Ивана Кирилловича”. Бывший при этом боярин Яков Одоевский сказал царице Наталье: “Сколько тебе, государыня, ни жалеть брата, а отдать его нужно будет; и тебе, Иван, идти надобно поскорее. Не всем из-за тебя погибнуть”. Царица и царевна с Нарышкиным вышли из церкви и подошли к золотой решетке, за которою уже ждали стрельцы. Отворили решетку; стрельцы, не уважая ни иконы, которую нес Нарышкин, ни присутствия царственных женщин, бросились на Ивана с непристойной бранью, схватили за волосы, стащили вниз по лестнице и проволокли через весь Кремль в застенок – Константиновский. Там подвергли его жестокой пытке, оттуда повели на Красную площадь, подняли на копьях вверх, потом изрубили на мелкие куски и втаптывали их в грязь…

Царевна Софья, как бы из желания прекратить бесчинства, призвала к себе выборных стрельцов и объявила, что назначает на каждого стрельца по десяти рублей. Эта сумма, независимо от обыкновенного жалованья, идущего стрельцам, будет собрана с крестьян, имений церковных и приказ-

ных людей. <…> Наконец, по просьбе стрельцов, положено было выплатить им, пушкарям и солдатам за несколько лет назад заслуженное жалованье, что составляло 240 000 рублей. Софья наименовала стрельцов “надворною пехотою” и уговаривала более никого не убивать и оставаться спокойными. Она назначила над ними главным начальником князя Хованского. Стрельцы очень любили его и постоянно величали своим “батюшкою”. Кирилл Нарышкин был пострижен и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь».

Вероятно, эти события стали одним из самых страшных воспоминаний юного Петра, в тот день он научился не доверять ни стрельцам, ни московским боярам и старался избегать их.

Милославский организовал этот бунт, и принимала ли в этой организации участие Софья, этого мы не знаем. Но это не «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», стрельцы действовали по инструкции, у них были «проскрипционные списки», они знали, кого нужно убить. Но даже если Софья ничего не знала о подготовке бунта, она сумела повернуть его в свою пользу. «Нельзя ее обвинять в создании стрелецкого мятежа, но трудно было бы ждать от нее, чтобы она этим мятежом в своих видах не воспользовалась», – замечает один из ее биографов.

В конце концов, после множества убийств и бесчинств, которые совершали стрельцы, «добиваясь справедливости», провозглашены и коронованы в Успенском соборе два царя

– Иван («старший» царь) и Петр («младший»), Софья же назначена при них регентшей. Править ей предстояло семь лет.

Петр в Немецкой слободе

Наталья Кирилловна понимала, как выгодна сторонникам Софьи смерть малолетних соправителей, и берегла их пуще собственного глаза. Неслучайно ее политические противники прозвали царицу «медведицей», а Петра – «медвежонком».

Царица увозит сына в загородную резиденцию в село Преображенское. Там Петр играет «в войну» со своими «потешными ребятками», строит с ними «потешную флотилию», а Наталья Кирилловна ждет. Она знает, что время работает на нее и против Софьи. Царевна также прекрасно знала, что каждый день приближает ее отставку – едва ее братья станут совершеннолетними, как она окажется ненужной, и ей придется либо покорно уйти в тень, либо решиться на что-то немыслимое.

А между тем Петр подрастает и заводит себе новых друзей в Немецкой слободе. И первый из них – Франц Лефорт, шотландец, чья семья уже много лет жила в Женеве и успела породниться с самыми знатными и влиятельными ее семьями.

После окончания женевского коллегиума Лефорта-младшего отправили учиться к одному из марсельских купцов, но вместо этого он вопреки воле отца поступил на службу в крепость Марселя, а потом познакомился с сыном курлянд-

ского герцога Карлом-Яковом, который находился в Женеве с деловым визитом и предложил Лефорту-младшему вместе с ним поступить на военную службу в Голландии. Когда же отец Франца умер, не оставив сыну наследства, тому подвернулось новое предложение – подполковник Яков фон Фростен набирал добровольцев для службы в России. Однако наемники попали в Москву в неудачное время – царь Алексей умер, на престол вступил больной царь Федор, и ему на первых порах было не до новых войск, но возвращаться домой не на что. Франц поселился в Немецкой слободе, начал заводить нужные знакомства, и вскоре женился на Елизавете Сугэ – родственнице влиятельного офицера и дипломата Патрика Гордона.

В 1678 г. его принимают на военную службу в чине капитана, а вскоре он получил должность командира роты в Киеве в составе корпуса князя Василия Голицына, «правой руки» царевны Софьи, командовать войсками Киевского гарнизона назначен Патрик Гордон.

Вернувшись в Москву, Лефорт быстро продвигается по службе, всего за несколько месяцев пройдя путь от капитана до подполковника. Тогда же он знакомится с юным Петром. Веселый, щедрый, лихой женевец, да еще и профессиональный военный, успевший «понюхать пороху», – именно таких людей молодой царь хотел иметь в своем окружении. Лефорт же, безусловно, понимал, насколько выгодна ему эта дружба. И он поспешил привязать своего юного друга еще

сильнее – помогая тому вступить в переписку с магистратами Женевы и одновременно познакомив его с хорошенькой Анной Монс.

Князь Ф.А. Куракин, краевед и историк XIX в., пишет: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. Днем и ночью он предавался удовольствиям, обедам, балам. И тут, в его доме первое начало учинилось, что Его Величество научился с дамами иноземными обходиться, и амур начал первый быть одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда девица была изрядная и умная. Тут же в доме Лефорта началось дебошанство, пьянство такое великое, что невозможно описать, и что многим случалось оттого умирать. <… > Помянутой же Лефорт с того времени пришел до такого градусу, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался».

Ф. Лефорт

По мнению историка Евгения Анисомова, знакомство с красавицей Анной «облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии “допущения к руке” иностранных послов) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира: православной Руси и “богопротивной” Европы, которые и ныне преодолеть не легко».

Анне же это знакомство помогло, в свою очередь, преодолеть бедность (после смерти отца вдове за долги пришлось отдать мельницу и лавку, ей остались только дом с «аустерией» – гостиницей), а потом преодолеть границы Немецкой слободы, если не для себя, то, по крайней мере, для своей семьи.

Петр дарит ей богатые подарки (миниатюрный портрет государя, украшенный алмазами на сумму в 1 тыс. руб.), строит на казенные деньги каменный дом в два этажа и восемь окон; платит Анне и ее матери ежегодный пансион в 708 руб., а в январе 1703 г. пожаловал ей в качестве вотчины Дудинскую волость в Козельском уезде с деревнями (295 дворов).

Расставшись с Евдокией, он открыто живет с Анной и злые языки прозвали ее Кукуйской царицей. Однако и Анна продержалась в фаворитках недолго – Петр заподозрил девушку в неверности и прогнал ее с позором. А вот Лефорт остался среди ближайших друзей царя, получил командование первым отборным полком и произведен в генерал-майоры, а позднее – в полные генералы. И… стал частью топо-

нимики Москвы, после назначения Лефорт обратился к царю с просьбой выделить для его полка плац и средства на создание слободы. Этот район и сегодня известен в Москве как Лефортово.

Позже Лефорт будет участвовать в двух Азовских походах, в 1695 г. Петр назначит его адмиралом русского флота, позже он сопровождал царя во время Великого посольства, вел официальные переговоры и переписку с европейскими дипломатами, организовывал официальные приемы и праздники, выступал в качестве личного переводчика Петра. Но от полученных во время походов ранений бравый шотландец так и не смог оправиться и вскоре после возвращения в Россию 12 марта 1699 г. умер. Петр был чрезвычайно опечален и заявил: «На кого могу я теперь положиться? Он один был верен мне», велел похоронить Лефорта с большими почестями, оплатил его долги и назначил пенсию его вдове.

Андрей Нартов – один из первых биографов Петра, записал такие слова царя: «О Лефорте Петр Великий говорил: “Когда б у меня не было друга моего Лефорта, то не видать бы мне того так скоро, что вижу ныне в моих войсках; он начал, а мы довершили”. Государь отдавал каждому справедливость и не присваивал себе трудов и славы посторонних людей. Надлежит знать, что Лефорт учредил роту потешных солдат, а потом и два полка гвардии».

Война в семье

Лефорт и Анна Монс не единственные обитатели Немецкой слободы, с кем кутил молодой царь. Борис Куракин пишет: «И многие купцы агленские и голанские, как Андрей Стельс, Христофор Брант, Иван Любьс пришли в Его Величества крайнюю милость и конфиденцию, и начали иметь свой свободный вход. Также все в слободе офицеры знатные из иноземцов и торговые… не могли единой свадьбы учинить, чтоб Его Величество не звать и при нем знатных персон на свадьбы…».

А чем занималась в это время Софья? Нельзя сказать, что она совсем никчемная правительница и думала лишь о том, как усидеть на троне. Во многом она продолжила начинания Федора, вместе с боярином Голицыным «одевала в камень» Москву. Князь Куракин писал: «В деревянной Москве, считавшей в себе тогда до полумиллиона жителей, в министерство Голицына построено было более трех тысяч каменных домов… Он окружил себя сотрудниками, вполне ему преданными, все незнатными, но дельными, с которыми и достиг правительственных успехов».

Она преобразовала Славяно-греческую школу в Славяно-греко-российскую академию. Возглавляемый Голицыным Посольский приказ заключил выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепил связи России с Францией, Ан-

глией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии. С Китаем заключен Нерчинский договор, по которому оба берега Амура, завоеванные и занятые казаками, возвращены Китаю.

В 1686 г. заключен вечный мир с Польшей. По договору Россия навсегда получила Киев, уступленный раньше по Андрусовскому миру (1667 г.) только на два года, Смоленск; Польша окончательно отказалась от левобережной Малороссии.

Чтобы «создать репутацию» и утвердить свою власть, Софье нужны военные победы. И такой случай подвернулся: Россия обязалась помочь Польше в войне с Турцией и вскоре русское войско отбывает на Крым и Азов.

Первый поход оказался неудачным, войскам пришлось вернуться. Во второй раз они перешли «дикую степь» и дошли до Перекопа. Историки спорят о значении этих походов. Одни считают, что торжественная встреча Голицына, устроенная царевной, не могла скрыть его откровенного провала (эту точку зрения первым сказал Петр). Другие полагают, что Софья и в мыслях не держала захватить Крым. Она понимала, что в данных условиях он будет скорее обузой, чем приобретением, ее цель с самого начала – припугнуть хана и заставить его подписать мирный договор.

Софья официально принимает титул самодержицы. Она одна давала аудиенции послам, подобно царям, допускала митрополитов к руке. Отмечала торжественными богослужениями 17 сентября, день своего тезоименитства. Совершала торжественный выход в храм и занимала там особое место, повелела чеканить свое лицо на монетах и медалях. Построила новый каменный дворец, где на нижнем этаже была устроена особая палата, «где сидеть с бояры – слушать всяких дел». Так постепенно, она пытается приучить своих подданных к мысли, что она не просто регентша, а царица.

Несмотря на все развлечения, Петр ни на миг не забывал о нависшей над ним угрозе. Его старший брат Иоанн уже женился, и Наталья Кирилловна спешно искала невесту для Петра, ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 г. Вскоре молодая царица забеременела.

Теперь, когда оба царя женились и стали совершеннолетними, у Софьи формально не осталось причин оставаться их опекуншей. Прежде Петр появлялся на царских выходах лишь изредка и в самых торжественных случаях. 8 июля 1689 г., на крестном ходе из Кремля в Казанский собор в память освобождения Москвы от поляков и в честь возвращения из второго Крымского похода князя Голицына, царь Петр решил дать сестре бой. В Успенском соборе цари и царевна приложились к иконам и святым мощам при пении

Многолетия, после чего должны идти за иконами и крестами в собор. Петр прилюдно заявил сестре, что она не имеет права принимать участия в процессии, Софья не пожелала его слушать. Разгневанный Петр уехал в Коломенское, а царевна с братом Иваном торжественно вышла с крестами из собора.

Подобный «демарш» Петра оскорбил и напугал Софью, она снова обратилась к стрельцам, но те выказали мало воодушевления. В их глазах Петр уже совершеннолетний полноправный царь, а, кроме того, они не простили ей понижения их статуса до «надворной пехоты».

Софья отпраздновала встречу Голицына и его войска так, как это подобало царям, и после молебна угощала воевод «фряжскими винами», а «ратных людей» – водкой.

Между тем Петр переезжает из Коломенского в Преображенское и празднует именины жены, лишний раз подчеркивая статус мужа и отца. В полночь 8 августа он неожиданно срывается с места и скачет в Троице-Сергиевский монастырь. Почему? До него дошли известия, что в ночь Софья собрала в Кремле под ружьем до 700 стрельцов. Теперь она просит у них защиты не от Петра, а от его ближайших друзей. По дворцу расходятся слухи, что в эту ночь придут из Преображенского потешные конюхи и побьют царя Ивана и всех его сестер. Царевна молится у гробов своих родителей, желая напомнить своим сторонникам о том, что она принадлежит к старшей ветви царской семьи. Вечером 11 августа она в сопровождении боярства и дворянства торжествен-

но проводила из дворца в Донской монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопутствовала полкам в Крымском походе. Слушает там всенощную, а на следующий день снова идет туда к ранней обедне.

Такое количество визитов в храмы и молебнов может поразить современного читателя. Создается впечатление, что брат и сестра соревновались в том, «кто кого перемолит», но в ту эпоху, когда Церковь – главное орудие власти, участие в «статусных» церковных службах важно, особенно для царевны, чья легитимность таяла на глазах, «позиционная война» продолжалась до конца августа.

В монастыре меж тем уже собрано тайное ополчение, к которому присоединились солдаты и некоторые стрельцы. 29 августа царевна решилась отправиться в Троицкий монастырь к разгневанному брату Петру. Она снова обошла кремлевские церкви, молилась в Чудове монастыре, на Троицком подворье и в приходской церкви Вознесения на Никитской. Откуда она берет чудотворный образ Казанской Богородицы. Ее сопровождают бояре, окольничие, думные дворяне, стольники и стряпчие. Но послы Петра встретили ее и потребовали, чтобы она повернула обратно, угрожая в противном случае вернуть ее силой, царевне оставалось только подчиниться.

Петр пишет своему брату Иоанну: «…сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим начала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим

противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи… умышляли о убивстве над нашим и матери нашей здоровьем… А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двемя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем; на тоб и твояб, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения: к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!», Иоанн переходит на его сторону.

Власть царевны лишилась своей главной опоры, 7 сентября 1789 г. издан указ об исключении имени царевны Софии из титула. Молодые цари заточили бывшую регентшу в Новодевичий монастырь, казнив ее приближенных. Голицын отправлен в ссылку, где и умер.

Поначалу Софья не была пострижена в монахини, а жила в монастыре мирянкой. Ее посещали сестры, она вела с ними беседы, но политические события в стране снова вернули ее на сцену.

Придя к власти, Петер начал активно продвигать свои новые идеи, во многом рожденные политикой отца, старшего

брата и сестры. В 1697 г. он отправился в Великое посольство – заграничную поездку с дипломатическим корпусом. Путь посольства пролегал через Австрию, Саксонию, Бранденбург, Голландию, Англию, Венецию и Рим, где была намечена аудиенция у Папы римского.

Пока Петр изучал кораблестроение в Саардаме и любовался садами Версаля, по Москве пошли слухи, что царевна говорила, будто Петр I не ее брат, что в Европе его подменили. К тому же выведенные из терпения тяжелыми условиями службы, четыре стрелецких полка на пути из Азова к западной границе возмутились, подстрекаемые сподвижниками Софьи. Узнав о бунте, Петр возвращается на родину.

Мятежников разгромили под Воскресенским монастырем. Царь прибыл в столицу 25 августа и начал допросы. Он сам допрашивал сестру, та наотрез отказалась от всякого участия в мятеже. Легенда гласит, что, выходя из кельи Софьи, царь произнес с сожалением: «Умна, зла, могла бы быть правой рукой». Но даже если эта легенда правдива, несмотря на уважение, выказанное сестре, Петр повесил 195 человек под окнами Новодевичьего монастыря и не позволял снимать трупы на протяжении 5 месяцев. В Москве ежедневно проходили казни, погибло 772 человека.

Царь приказал постричь в монахини Софью, а также двух ее сестер – Марфу и Феодосию, которые чаще всего посещали ее в монастыре. Однако и после этого Петр не успокоился, в монастыре постоянно находился отряд, который стерег

«инокиню Сусанну», так теперь звали Софью. Софья скончалась 3 (14) июля 1704 г. и похоронена в Новодевичьем монастыре, а не в Воскресенском монастыре в Кремле, где лежали остальные московские царицы и царевны. Спустя почти 100 лет другая царица – Екатерина II – скажет о ней такие слова: «Когда посмотришь на дела, прошедшие через ее руки, то нельзя не признать, что она весьма способна была царствовать».

Князь Куракин: из спальников царя в русские дипломаты

Наверное, настала пора рассказать о человеке, к чьим записям о Петре I мы уже обращались и не раз, – князе Борисе Ивановиче Куракине, настоящем сыне своего времени, в личности которого, как в зеркале, отразились все парадоксы не самого простого для России века.

Князь родился в 1676 г., сын князя Ивана Григорьевича Куракина и первой его супруги, урожденной княжны Одоевской. На крестинах Бориса его восприемниками были царь Федор Алексеевич и царевна Екатерина Алексеевна (одна из сестер Федора).

Борис рано потерял обоих родителей, но крестные не забывали о нем, и в 1673 г. он назначается в спальники к юному Петру. В отличие от Петра князь слаб здоровьем, часто болел, страдал «гипохондрией и меланхолией», но принимал участие в потехах молодого царя.

В 1691 г. Куракин породнился с Петром, женившись на Ксении Федоровне Лопухиной, сестре царицы Евдокии. И муж, и жена еще подростки, ему – 15 лет, ей – 14, через семь лет, родивши мужу двух детей, она умерла от чахотки. Он вступил в новый брак, также весьма многообещающий – с княжной Марией Федоровной Урусовой, дочерью боярина Федора Семеновича Урусова, племянницей царицы Агафьи

Семеновны в девичестве Грушецкой, которую любил и на которой так недолго был женат царь Федор.

Но мы забежали вперед. Куракин сопровождал Петра в его Азовских походах, служил в Семеновском полку, в 1696 г. отправлен в Венецию для изучения навигации.

Венеция издавна славилась своими мореходами и галерами. Торговые и военные корабли изготавливались на стапелях ее Арсенала буквально как на конвейере. Корпус корабля проходил через несколько цехов, и в каждом из них выполняли только одну операцию: в одном – смолили, в другом – устанавливали мачты, в третьем – палубные надстройки и т. д., тут же шили паруса, а рядом пекли сухари, так что галера выходила из ворот Арсенала, снабженная всем необходимым и готовая отправиться в поход. На пике своей эффективности в начале XVI в. в Арсенале работало около 16 000 человек, которые могли производить почти один корабль каждый день и могли оборудовать, вооружить и снабдить недавно построенный камбуз стандартизированными деталями на производстве. Ничего подобного больше не встречалось до самой промышленной революции.

Галеры, гребные суда, не зависящие от ветра и не боявшиеся мелководья, идеально подходили как для берегов Средиземного моря, так и для шхер в Балтийском море. Позже Петр построит в своей новой столице галерную верфь в Новой Голландии, и шхерный флот выиграет для него Северную войну.

А пока в Венеции Куракин «учился наук математических; выучился аретьметики, геометрии теорики (т. е. теоретической. – *Е. П.*) 5 книг Евклидеса, геометрии практики, тригонометрии планы (т. е. на плоскости. – *Е. П.*), астрономии часть до навтики (относящаяся. – *Е. П.*), навтики, механики, фортификации офеньсивы и дифенсивы. И во свидетельство всех тех моих наук от мастера и за венецкого князя рукою и печатью свидетельствованный лист. И также некоторую часть в разговоре и читать и писать итальянского языку научась, доволен».

Куракин, не только научился читать и писать по-итальянски, но почти разучился писать по-русски. Вот что он рассказывал о своем путешествии: «В ту свою бытность был инаморат славную хорошеством одною читадинку назывался Signora Franceska Rota и так был Inamorato, что не мог ни часу без нее быти, и расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот amor не может выдти и, чаю, не выдет, и взял на меморию ее персону и обещал к ней опять возвратиться»[7].

Пожалуй, без словаря не разберешь. Причем для расшифровки этих строчек понадобится по меньшей мере три словаря. Один – итальянско-русский, из которого мы узнаем, что Innamorato означает «быть влюбленным», cittadino – «гражданин, горожанин» в данном случае, видимо, все же – «горожанка». «Крылатых слов латинского языка» сообща-

---

[7] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка. М., 1982.

ет нам, что выражение In memorio означает «на память», а еще пригодится «Большой энциклопедический словарь», который скажет, что: «Парсуна (искажение слова “персона”) – условное наименование произведений русской, белорусской и украинской портретной живописи кон. XVI – нач. XVII вв., сочетающих приемы иконописи с реалистической образной трактовкой».

Видите, какая большая работа нам понадобилась для того, чтобы узнать: будучи в Италии, Борис Куракин влюбился в прекрасную итальянку Франческу Рота и взял на память ее портрет.

Вот как начинает князь сочинение «Гистория о царе Петре Алексеевиче»: «В помощи Вышнего и в надеянии его святой милости продолжение веку моего и во исцеление от моей болезни, начинаю сей увраж давно от меня намеренный в пользу моего Отечества, Всероссийской империи и в угодность публичную, прося Вышнего, дабы благословил меня по моему желанию, ко окончанию привести»[8].

Легко смириться с тем, что слово «история» Куракин пишет как «гистория», пытаясь передать ее написание по-латыни (historia), что вместо «в надежде на милость» (винительный падеж) он пишет «в надежении милости» (родительный падеж), что он создает невиданное нами причастие – «давно от меня намеренный» – которое не сразу и сообразишь, как перевести на современный русский язык. Но что еще

---

[8] Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993.

за «уварж», который он начинает? А это снова проявилась любовь Куракина к иностранным словечкам! Только на этот раз не к итальянскому, а к французскому. По-французски «ouvrage» означает «сочинение», «труд».

В феврале 1698 г. он вернулся в Москву, и через несколько дней после его приезда умерла его первая жена. Похоронив ее, князь отправился на Воронежскую верфь, где выдержал экзамен, подтвердив свои успехи в мореходных науках: «…при том свидетельстве некоторое счастье я себе видел от Его Величества, и от всех не так стал быть прием, как преж того, и чем выше я явил». Царь послал его под Азов, оттуда Куракин сопровождал русского посла в Константинополь. Осенью 1699 г. он женился во второй раз. Вместе с Петром был под Нарвой и при взятии Шлиссельбурга. В следующем году в отряде, который под начальством самого Петра, взял Нотебург, стал свидетелем того, как «по взятии того города начали делать Санкт-Петербург и того же лета к осени сделали и сделав, тут оставя гарнизон, сами все пошли к Москве».

Б.И. Куракин

В 1707 г. Куракин уже в чине подполковника послан с дипломатическим поручением в Рим, к папе Клименту XI. На обратном пути посетил Венецию (и увиделся ли со сво-

ей прекрасной Франческой?), Вену, Гамбург и Голландию, исполняя разные поручения Петра. Добивался у разных властителей запрещения вербовать из их подданных в шведскую армию, вел переговоры о браке дочери Петра Елизаветы с Людовиком XV. Вернувшись в Россию, принял участие в Полтавской битве, командуя Семеновским полком. Позже к нему присоединился его сын Александр, также выбравший дипломатическую карьеру.

После победы Куракин вновь отправлен в Европу с дипломатическими поручениями и до конца жизни, пользуясь полным доверием царя, работал в Лондоне, Ганновере, Гааге, Утрехте. На родину вернулся только раз, в 1711 г., и лишь на короткое время. Известный французский философ граф Анри де Сен-Симон, встречавшийся с Борисом Ивановичем вспоминает: «Это был высокий, хорошо сложенный мужчина, постоянно помнивший о величии своего происхождения, с большим умом, умением и образованием. Он довольно хорошо говорил по-французски и на нескольких языках; он много путешествовал, служил на войне, затем служил в различных судах». И отмечает, тем не менее, что Куракин «не мог перестать “пахнуть” русским».

Куракин умер в Париже в 1827 г.

Вот что пишет о нем его биограф – автор статьи о Куракине в «Русском биографическом словаре» Половцова: «В лице кн. Б.И. Куракина мы видим человека, на котором характерно и рельефно отразились черты деятеля переходной

эпохи. Прежде всего бросается в глаза его неугомонная деятельность, которой не сломили постоянные болезни и слабое здоровье… <…> Он замечательно легко усваивал иностранные языки и в свои произведения вставляет не только слова, но и целые фразы, даже целые периоды польские и особенно итальянские; он постоянно закупает много книг; внимательно и неутомимо осматривает он всевозможные местные достопримечательности всюду, куда ни закидывала его судьба и служба… Он, очевидно, целиком поглощен жаждой увидать и узнать новое; и то, что ново, – все одинаково его интересует; другое мерило для критики он утратил… Он несомненно был одним из наиболее преданных, энергичных и умелых помощников Великого Петра. И Петр его постоянно отличал своей доверенностью… И длинный ряд поручений, которые непрерывно возлагались Петром на кн. Б.И. Куракина, свидетельствует, что Петр все выше и выше ценил его».

Птенцы гнезда Петрова

«Быть царем», а тем более «быть императором», еще с античных времен означало «быть полководцем». Поэтому, когда Петр принимается за свой самый масштабный «проект» – Северную войну за Балтийское побережье, в его «ближнем кругу» появляется все больше военных, среди них иностранные наемники и русские полководцы.

Вы, разумеется, помните знаменитую строфу из поэмы «Полтава», описывающую появление Петра перед русскими войсками:

И се – равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

«Полудержавный властелин» – это, разумеется, Меншиков, с ним мы уже встречались, да и еще встретимся. Но кто остальные спутники Петра?

* * *

Борис Петрович Шереметев старше Петра на двадцать лет, начинал служить еще при царе Алексее Михайловиче. «Благородный» во всех смыслах этого слова: происходил из старинного московского боярского рода, близкого к роду Романовых, и никто из его современников не отзывался о нем дурно.

В 1695 г. Шереметев отправился с Петром к Азовскому морю, руководил штурмом трех турецких крепостей – Кызы-Кермен, Эски-Таван и Аслан-Кермен. Все три пали, и их гарнизоны сдались.

Помогая царю в военных трудах, Б.П. Шереметев разделял его интересы и в дни мира: ездил в Европу, почти в то же время, что и Петр, бывал в Вене, в Риме, в Венеции, а еще на Сицилии и на Мальте, где и стал первым в России кавалером Мальтийского ордена рыцарей. В память об этом его дворец в Петербурге будет украшен Мальтийскими крестами. Как и Петр, говорил на нескольких иностранных языках, как и Петр, восхищался европейской культурой, ему легко было принять реформы, предложенные молодым царем. Вот что

писали о нем иностранцы: «В инфантерии первым из русских по праву может быть назван фельдмаршал Шереметев, из древнего дворянского рода, высокий ростом, с мягкими чертами лица и во всех отношениях похожий на большого генерала».

Б.П. Шереметев

Граф участвовал в Северной войне и получил звание фельд маршала за победу при Эрестфере – это одна из пер-

вых побед русских над шведами, затем не без труда и везения одержал победу при Гуммельсдорфе. Позже командовал взятием крепостей Нотебург, Ниеншанц, Копорье и Ям. Далее последовали новые войны на берегах Балтийского моря – Эстляндии (современная Эстония) и Лифландии (бывшая Ливония, современная Латвия).

Однако чем дальше, тем больше отношения между старым графом и «полудержавным властелином» Меншиковым портились. И неудивительно – слишком различно их происхождение, «благородный во всех смыслах» Шереметев, отказывался признать равным выскочку, мздоимца и хама. Разумеется, Меншиков не мог ему этого простить и употреблял все свое влияние на Петра, чтобы рассорить того с графом. В письмах Шереметев жаловался, что ему приходится на старости лет исполнять чужие приказания, что государь ему не пишет и не исполняет его просьбы.

В конце жизни Шереметев окончательно впал в немилость у Петра. Он редко бывал в своей Петербургской усадьбе, предпочитая жить в Москве, в родовой вотчине – Кусково, где и умер в 1719 г., оставив восемь детей.

Яков Вилимович Брюс. Шотландский клан Брюсов дал своей стране королей, а России – двух замечательных государственных деятелей. Старший брат, Роберт, стал первым обер-комендантом Санкт-Петербурга, младший Джеймс Дэниэл, на новой родине его стали звать Яковом Вилимови-

чем, – военачальником, дипломатом и… по слухам, чернокнижником и колдуном.

С детства Яков увлекался математикой и естествознанием, а в 14 лет мальчика записали в «потешный полк», где он познакомился с будущим царем, сумел зарекомендовать себя с лучшей стороны – составил подробную карту местности от Москвы до Малой Азии и за эту работу пожалован чином полковника. Вместе с Петром был в Великом посольстве, вместе с ним учился строить корабли на верфях в Нидерландах и Англии, по приказанию Петра покупал учебники, книги и оборудование. В Англии познакомился с Исааком Ньютоном.

Якову Вилимовичу Петр поручил создание русской артиллерии – и именно Брюс настоял на том, чтобы она была поделена на осадную и полевую, с более легкими пушками, которые так хорошо показали себя в бою под Полтавой. Уже в 1701 г. отлили 273 пушки, а через год еще 140, а всего в России в период военных действий (от Нарвы до Полтавы) отлили 1006 медных орудий. Артиллерия Брюса, по словам Петра, «зело чудно исправляла свое дело» не только под Нотебургом-Орешком, но и под Копорьем, под Нарвой и Ивангородом, во время битвы при Калише и в Лесном, наконец, под Полтавой, за что Якову Брюсу пожалована высшая награда России – орден Св. Андрея Первозванного.

Брюс оборудовал обсерваторию для наблюдения звездного неба на Сухаревской башне для школы математических

и «навигацких наук», еще одну обсерваторию он построил в Петербурге при Морской академии, а третью – в своей подмосковной усадьбе Глинки. За что прослыл алхимиком, астрологом и колдуном. О его доме в Москве ходили легенды, что там хранятся колдовские книги и зелья, которые могут любые раны исцелять и любые камни растворять, что Брюс может открыть любые замки, находить клады или подчинять себе людей.

Я.В. Брюс

По окончании Северной войны Яков Вилимович стал

Президентом Берг- и Мануфактур-коллегии, а в 1718-м – генерал-директором всех фортификаций Российского государства.

После смерти Петра Брюс получил от Екатерины I звание генерал-фельдмаршала и орден Св. Александра Невского и ушел в почетную отставку. Остаток жизни провел в Глинках. Детей у Брюса не было, и его имения перешли к сыну старшего брата, генерал-поручику и вице-губернатору Москвы Александру Романовичу Брюсу, который назвал в честь дяди своего единственного сына Яковом. Яков-второй честно служил Екатерине, воевал с турками и шведами, получил звание генерал-аншефа, был назначен петербургским генерал-губернатором (1786–1791 гг.) и одновременно главнокомандующим Москвы (1784–1786 гг.). У него родилась одна дочь, у которой не было детей, и на ней род русских Брюсов пресекся.

Христиан Феликс Бауэр (*Родион Христианович Боур*). Бывает, одно сгоряча принятое решение меняет всю жизнь человека. Так случилось с ротмистром Христианом Феликсом Бауэром, солдатом шведского драгунского полка. Глупая ссора, дуэль, противник убит, Христиан, опасаясь наказания, убегает. Есть и другая версия: Христиан шпион, его раскрыли, он должен бежать. Так или иначе, но все произошло в конце 1700 г. в крепости Нарве, которую осаждали русские войска. И беглецу достаточно было перебраться

через реку Нарву, чтобы попасть в русский лагерь, где он подробно рассказывает о том, какими силами располагает шведский гарнизон крепости. Сведения, которые он доставил царю, не смогли предотвратить «Нарвской конфузии» – новенькая петровская армия, плохо организованная и обученная, при первом натиске шведов бежала с поля боя. И вместе с ней – новоиспеченный полковник Бауэр, или Боур (так стали произносить его фамилию русские). Бежал, чтобы спустя годы вернуться вместе с созданными им 30 кавалерийскими полками и разгромить шведов.

Х.Ф. Бауэр

Драгунский полк Боура отличился в сражении под Гум-

мельсгофом. В самый критический момент сражения он пришел на помощь русскому передовому отряду, что решило исход боя. Позже, за взятие города Митавы Боур пожалован в генерал-майоры, а за успешные действия в сражении при Калише – в генерал-поручики.

Кавалерийский корпус из пяти тысяч солдат под командованием Боура отличился в битве при Лесном. В этом походе Боур получил тяжелое ранение в голову, но смог командовать правым флангом российской кавалерии во второй Нарвской битве. Успешно отразил все атаки шведов и преследовал бегущего врага. За отличия в боях под Полтавой Петр I пожаловал Боуру свой портрет, украшенный бриллиантами, и поместье.

Боур командовал всей русской кавалерией на Украине, позже – произведен в звание генерала от кавалерии, и, наверное, остался доволен тем, какое решение принял ненастной осенней ночью 1700 г. Скончался Родион Христианович в 1717 г.

Никита Иванович Репнин. Еще один из потомков Рюрика, присягнувший на верность Романовым, еще один солдат петровских «потешных полков». В 25 лет уже командовал Преображенским полком и во время первого Азовского похода участвовал в штурме двух турецких башен-«каланчей», запиравших выход в Азовское море. Однако прославился не как полководец, о нем говорили: «…в войне не много смыс-

лит, но очень любит учиться и очень почтителен».

Репнин один из тех, кто штурмовал Нотебург (1702 г.), Ниеншанц (1703 г.) и Нарву (1704 г.), а 3 июля 1708 г., потерпел сокрушительное поражение от шведов у маленькой литовской деревушки Головчино. Солдаты Репнина не успели возвести укрепления вокруг своей позиции, когда шведы неожиданно открыли огонь из пушек и после получасового боя захватили мост через речку Бабич, Репнин приказал своим солдатам отступать. Один из шведов, участвовавший в сражении позже вспоминал: «Русское командование имело все шансы остановить шведские полки, утомленные переправой и значительными потерями, но вместо этого, я с изумлением увидел, как они стали в беспорядке отступать в лес». Российская армия во время этой битвы потеряла около 6 тысяч солдат, всю артиллерию, снаряжение и обоз. Шведский король Карл XII очень высоко оценил собственную победу и приказал выбить медаль с надписью: «Побеждены леса, болота, оплоты и неприятель». Репнина судили «за бесчестный уход от неприятеля», и приговорили к разжалованию в рядовые и возмещению убытков казне за потерянные «оружие, обозы и орудия». Сумма этого возмещения равнялась почти всему его состоянию.

Позже, в сражении при Лесном, Репнин проявил недюжинную храбрость, и ему возвращен генеральский чин. Во время этой битвы отличился также князь Голицын, старый недруг Репнина. Легенда гласит, что когда после битвы Петр

предоставил Голицыну право просить, чего только он пожелает, тот сказал: «Прости Репнина. Что значит вражда личная между нами, когда Отечество и ты, государь, нуждаетесь полезными людьми?»

В день Полтавской битвы Репнин командовал центром армии, нанес последний удар по шведам, сокрушив их строй, и «за мужественные подвиги свои был удостоен ордена Андрея Первозванного». Позже он отличился при взятии Риги.

После войны князь Репнин получил немало наград, среди которых – датский орден Белого Слона и польский Белого Орла, произведен в генерал-фельдмаршалы и пожалован орденом Св. Александра Невского. Одно время служил губернатором Лифляндии, президентом Военной коллегии. Умер Репнин в 1726 г.

Федор Михайлович Апраксин. Еще один из солдат «потешного полка», прославившийся в Азовском походе и в Северной войне.

После первого Азовского похода Апраксин назначается главой Адмиралтейского приказа. Руководил строительством Таганрога, русского порта на Азовском море. В 1708 г., пока армия Петра сражалась на Украине, защищал молодую столицу Петербург от атак шведских кораблей.

Шведская армия так и не оправилась от удара, нанесенного под Полтавой. Оставалось потеснить их флот на Балтийском море. Весной 1714 г. из Петербурга в Балтийское море отправились 99 «полугалер», каждая – с 15–20 солдатами и 1–2 пушками на борту.

Среди шхер Аланского архипелага, у полуострова Гангут, на южном берегу Финляндии, русские подстерегли шведский флот, окружили его, обстреляли из пушек и взяли на абордаж. Трофеями стали фрегат «Элефант», галеры «Эрн», «Трана», «Грипен», «Лаксен», «Геден» и «Вальфиш», шхерботы «Флюндра», «Мортан» и «Симпан». В сентябре 1714 г. русский флот и плененные корабли прошли по Неве. Аллею, ведущую с пристани к дворцу губернатора Петербурга Меншикова на Васильевском острове, украшали триумфальные ворота с надписью «Русский орел мух не ловит», скульптуры и картины, изображавшие различные эпизоды сражения. В

память о победе выбили золотые и серебряные медали, которыми наградили всех участников сражения.

Ф.М. Апраксин

В 1718 г. Федор Матвеевич назначен президентом Адмиралтейств-коллегии и трудился на этом посту десять лет, скончался 10 ноября 1728 г.

Михаил Михайлович Голицын, князь из рода Гедиминовичей, еще один из героев Северной войны, в 12 лет начал службу барабанщиком Семеновского полка. Образованного юношу, храброго солдата, а потом прекрасного командира заметил Петр и стал поручать ему все более ответственные задания. Голицын отличился в Азовском походе и при взятии Нотебурга. Именно он повел солдат в атаку на крепость и отказался отступать, даже получив приказ об этом от Петра. После взятия крепости Петр произнес: «Победителей не судят!», наградил князя золотой медалью и присвоил ему звание полковника.

Михаил Михайлович принимал участие во взятии Ниеншанца и Нарвы, в походе на Украину, откуда вернулся в звании генерал-лейтенанта и с орденом Св. Андрея Первозванного. Затем храбро воевал в Финляндии вместе с Апраксиным.

Но прославила его морская битва при Гренгаме (остров в Аландском архипелаге), в начале августа 1720 г. Это последнее крупное сражение Северной войны.

В русский флот, пришедший к острову Гренгам, входили 61 галера и 29 лодок. В шведской эскадре 52-пушечных

линейных корабля, 4 фрегата и 9 малых судов. Силы явно неравные, но галеры по приказу Голицына отступили на мелководье, заманили туда же тяжелые шведские корабли и взяли на абордаж все четыре фрегата, после чего оставшаяся часть эскадры бежала с поля боя. Эта победа поставила точку в истории безраздельного шведского влияния на Балтийском море и привела к подписанию Ништадтского мира. Швеция уступала России «в совершенное, непрекословное, вечное владение и собственность» Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии с крепостями Выборг и Кексгольм.

М.М. Голицын

После войны князь Голицын пожалован чином генерал-фельдмаршала, командовал войсками в Санкт-Петербурге, занимал должность президента Военной коллегии. Скончался Голицын в декабре 1730 г.

Может быть, не все эти полководцы входили в ближний круг Петра, но все они выполняли для него важную работу, всем он доверял свою жизнь, всем обязан победами. Все хотя бы на шаг, а чаще – не на один шаг, приближали его к осуществлению его мечты. А это – особая близость, какую знают лишь великие созидатели.

Царев токарь – Андрей Нартов

Если ориентироваться на круг интересов Петра, то его можно сравнить с людьми эпохи Возрождения. Он не только политик, но и администратор, не только полководец, но и военный инженер очень высокой квалификации, увлекающийся естественными науками – как дилетант, как коллекционер, как просветитель. Он поддерживал искусства. Он не любил свободное время сидеть без дела. В Летнем саду в молодом Петербурге находится место и для токарной, где Петр работает вместе с «царевым токарем» – Андреем Нартовым.

Нартов начал обучаться токарному делу с 12 лет в Навигацкой школе в Москве. Эта школа – первое техническое учебное заведение в России. В 1712 г. Петр, заметив способности юноши, личным указом перевел его в придворную токарню, расположенную в доме на Петербургской стороне, в Летнем саду, неподалеку от Летнего дворца. В 1714 г. Нартов определен в лабораторию к механическому искусству механиком, получил чин прапорщика и жалование 300 рублей в год.

В 1718 г. Нартов, отправленный для окончания обучения в «ыностранный европейские государства»[9] посетил Лондон и Париж, где прослушал лекции по математике и астрономии и изучал медальное искусство.

---

[9] Биографы отмечают, что Нартов часто писал с ошибками.

В 1720 г., после кратковременного пребывания при дворе прусского короля, он вернулся в Петербург и возглавил царскую токарню. В мастерской установил новые токарные машины, привезенные из-за границы и начал обучение молодежи токарному делу. Как позже писал сам Нартов: «…будучи при Дворе Его Величества по-прежнему при своей механической должности безотлучно, за что соизволил усмотреть прозорливыми очами блаженные и вечно достойные памяти государь император Петр Великий…»

Нартов изобрел множество оригинальных станков, предложил новые способы отливки пушек, создал скорострельную батарею из 44 трехфунтовых мортирок и оптический прицел. В 1724 г. Нартов представил Петру проект Академии художеств.

Наравне с Нартовым и его учениками в токарне часто работал Петр I, о котором Нартов оставил пространные воспоминания под названием «Достопамятные повествования и речи Петра I». Нартов моложе Петра на 20 лет, поэтому по-настоящему дружеских отношений между ними быть не могло. Но понимая, что личность, слова и поступки непокорного русского царя вызывают и будут вызывать еще долгое время жгучий интерес, начал записывать все, о чем слышал, и главное – сцены, которым сам стал свидетелем.

Вот что он вспоминает:

А.К. Нартов

«В беседах Его Величество бывал весел, разговорчив, обходителен в простоте, без церемонии и вычуров и любил око-

ло себя иметь веселых, но умных людей; досадчиков в беседе не терпел и в наказание тому, кто кого оскорбил словом, давал пить покала по три вина или ковш с вином, называемый Орел, чтоб лишнего не врал и не обижал; словом, он и гости его забавлялись ра́вно; неприметно было в нем того, что он был самодержавный государь, но казался быть простым гражданином и приятелем. <…>

Обыкновенно вставал Его Величество утром часу в пятом, с полчаса прохаживался по комнате; потом Макаров читал ему дела; после, позавтракав, выезжал в шесть часов в одноколке или верхом к работам или на строения, оттуда в сенат или в адмиралтейство. В хорошую погоду хаживал пешком. Обедал в час по полудни. В десять часов пил одну чарку водки и заедал кренделем; после того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; в четыре часа после обеда отправлял паки разные дела; по окончании оных тачивал; потом либо выезжал к кому в гости, или дома с ближними веселился… Голландские газеты читывал после обеда, на который делывал свои примечания и надобное означал в них карандашом, а иное – в записной книжке, имея при себе готовальню с потребными инструментами математическими и хирургическими. Допуск по делам пред государя был [в] особый кабинет подле токарной или в самую токарную. Обыкновенно допускаемы были: с доклада – канцлер граф Головкин, генерал-прокурор граф Ягушинской, генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс, вице-канцлер барон Ша-

фиров, тайный советник Остерман, граф Толстой, сенатор князь Долгорукий, князь Меншиков, генерал-полицмейстер Девиер, флотские флагманы, корабельные и прочие мастера; без доклада – князь-цесарь Ромодановский, фельдмаршал граф Шереметев, которых провожал до дверей кабинета своего… Даже сама императрица Екатерина Алексеевна обсылалась наперед, может ли видеть государя, для того, чтоб не помешать супругу своему в упражнениях. В сих-то комнатах производились все государственные тайности; в них оказываемо было монаршее милосердие и скрытое хозяйское наказание, которое никогда не обнаруживалось и вечному забвению предаваемо было. Я часто видал, как государь за вины знатных чинов людей здесь дубиною подчивал, как они после сего с веселым видом в другие комнаты выходили и со стороны государевой, чтоб посторонние сего не приметили, в тот же день к столу удостоиваны были. Но все такое исправление чинилось не как от императора подданному, а как от отца сыну: в один день наказан и пожалован. Сколь монарх был вспыльчив, столько и снисходителен; да иначе и быть ему почти не можно было по тем досадам, которые против добра, устрояемого им, чинились. При всем том был великодушен и прощал вины великие неоднократно, если раскаяние принесено ему чистосердечное».

А еще Нартов собирал афоризмы, остроумные высказывания Петра. Например: «Государь, точа человеческую Фигуру в токарной махине и будучи весел, что работа удачно

идет, спросил механика своего Нартова: “Каково точу я?” И когда Нартов отвечал: “Хорошо”, то сказал Его Величество: “Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцов”».

Или просто мелочи, показывавшие, однако, как близок был автор к царю: «Некогда князь Меншиков, пришед к дверям токарной комнаты Его Величества, требовал, чтоб ею туда впустили, но, увидя в том препятствие, начал шуметь. На сей шум вышел к нему Нартов и, удержав силою туда войти хотевшего князя Меншикова, объявлял ему, что без особого приказа от государя никого впускать не велено, и потом двери тотчас запер. Такой неприятный отказ сего честолюбивого, тщеславного и гордого вельможу столь рассердил, что он в запальчивости, оборотясь, с великим сердцем сказал: “Добро, Нартов, помни это”. О сем происшествии и угрозах донесено было тогда же императору, который в то время точил паникадило в соборную церковь Святых Апостолов Петра и Павла, яко благоговейный дар, посвящаемый им Богу в благодарение за полученное им облегчение от марциальных вод, – на что Его Величество, рассмеявшись, произнес такую речь: “Где ж скрыться от ищущих и толкущих?” Потом, взглянув взором уверительным, сказал: “Кто дерзнет против мастера моего? Посмотрю. Невежество художеств и наук не терпит, но я наглость решу; подай, Андрей, чернила и бумагу!” Государь тотчас написал на токарном станке следующее и, отдав Нартову, промолвил: “Вот тебе оборона;

прибей сие к дверям и на угрозы Меншикова не смотри”: кому не приказано, или кто не позван, да не входит сюда не токмо посторонний, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел. Сей собственною Петра Великого рукою писанный указ, данный мне, Нартову, находится у меня поныне соблюденным. После сего не являлись более докучатели, и тишина была около того места толь велия, что монарх, видя себя спокойным и забавляясь тем, механику своему говорил: “Теперь, Андрей, по почте ходящих сюда не слышно знать, грома колес наших боятся”, то есть обращения или движения колес махинных; но в самом деле мнил Его Величество чрез сие о прибитой к двери бумаге».

Или такую: «Когда Нартов просил Его Величество окрестить сына его новорожденного, тогда отвечал ему: “Добро!» И оборотясь к государыне, с усмешкою сказал: “Смотри, Катенька, как мой токарь и дома точит хорошо”. Окрестя, пожаловал он ему триста рублей да золотую медаль: подарок при крещении весьма редкий, ибо Петр Великий на деньги был не члив и свободнее давал деревни; тогда обещал государь ему деревню, однако за скоро приключившеюся болезнию и кончиною сего не воспоследовало». Разумеется, Нартов не был лишен тщеславия.

После смерти Петра токарню перевели в ведение Академии наук, а Нартова назначили советником Академии и управляющим механической экспедицией при ней. Умер Андрей Константинович в 1756 г. «Достопамятные повест-

вования» изданы сыном Нартова Андреем Андреевичем. Нартов-младший также оказался человеком замечательным: он был ученым-естествоиспытателем, писателем, почетным членом Академии наук, основателем Вольного экономического общества, президентом Берг-коллегии и Российской академии, одним из основоположников лесоводства в России. Переводил на русский язык Лессинга, «Историю» Геродота, «Минералогию» И.Г. Лемана, «Металлургию» Д. Скополи и т. д.

Царевна Наталья – сестра и единомышленница

Юная Наталья Алексеевна, младшая сестра Петра, долго жила в Преображенском. Совсем одиноко ей стало, когда в 1694 г. умерла Наталья Кирилловна, а в 1697 г. Петр уехал с посольством за границу.

В 1698 г. у Натальи появился приемный сын, вернувшись на родину, Петр заставил Евдокию Лопухину принять постриг, а образование и воспитание малолетнего царевича поручил сестре.

Двумя годами раньше умер «старший царь» Иван Алексеевич, и его вдова Прасковья Федоровна вместе с тремя выжившими дочерьми – Анной, Екатериной и Прасковьей, соответственно, четырех, трех и двух лет от роду, поступили под опеку Петра, им отвели Измайловский дворец. Вдовая царица была, вероятно, хорошим психологом и дипломатом – она быстро сдружилась с молодым царем и его сестрой. Кроме того, в посредстве браков своих дядей, а также родного и двоюродных братьев, Прасковья состояла в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими, поэтому обладала определенным политическим влиянием.

Петру не слишком нравился традиционный русский уклад Измайлова, где собиралось множество богомольцев, гада-

лок, странников и странниц, выдающих себя за «святых людей». Петр звал эти сборища «госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов», тем не менее он никогда не заставлял Прасковью перенять европейские манеры, и, по свидетельству современников, «советы и просьбы ее никогда не презирал». В 1702 г. Петр праздновал в Измайлове победу над шведами, царица Прасковья принимала у себя не только Петра и его сподвижников, но и иностранных дипломатов с женами.

Царевна Наталья

Пока Петр сражался за балтийские земли и строил Санкт-Петербург, Наталья задумала новый проект. Вероятно, в детстве она не раз слышала от матери о необыкновенном развлечении, которым тешил ее царь-батюшка. И царская сестра решила организовать свой театр. Петр поддержал ее, приказав передать Наталье «комедиальное и танцевальное платье», а также декорации и тексты пьес, привезенные несколькими годами раньше немецкими театрами в Москву. Актерами стали приближенные и слуги. В репертуар вошли инсценировки житий святых и пьесы на сюжет переводных романов. Посмотреть спектакли приезжали обитатели Измайлова.

В 1705 г. размеренную жизнь подмосковных затворниц нарушило событие, наверняка породившее много сплетен и кривотолков. Датский посланник Юст Юль, путешествовавший в это время со Двором Петра, так описывает случившееся: «Я ездил в Измайлово – двор в 3-х верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми царевнами. Поехал я к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали мне следующее. Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законной его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагатель-

ной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после смерти они должны будут смотреть на нее как на законную его супругу».

Решив превратить свою Катеринушку («Катеринушка, друг мой сердешнинькой!» – так он обращался к ней в письмах) из «метрессы» в законную жену, Петр поручил ее заботам Натальи Алексеевны, чтобы та обучила девушку русскому языку и обычаям страны. В доме Натальи Алексеевны Екатерину крестили в православие.

В 1706 г. Петр издал указ, согласно которому знатным московским людям надлежало переселиться в новую столицу. И одними из первых этот указ исполнили члены его собственной семьи. 22 марта 1708 г. отправился в путь целый караван колымаг, повозок и подвод. Кроме царевны Натальи Алексеевны и царицы Прасковьи с дочерьми, ехали царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, единокровные сестры Петра – царевны Марья и Феодосия, князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и многие именитые сановники.

Путешествовали в каретах, которые представляли собой крытый кузов, подвешенный на ремнях или цепях, прикрепленных к высоким подставкам, которые покоились на передней и задней осях четырехколесного основания. В каждую

карету впрягалось несколько лошадей – от двух, у простых путешественников, до двенадцати – у особ царской крови. Кучер сидел верхом, на одной из лошадей. В таких экипажах удобно путешествовать по хорошим дорогам, но по бездорожью езда была очень тряской.

Кроме того, лошадей часто приходилось кормить и менять, также и люди нуждались в пище и отдыхе. Поэтому «караван» двигался медленно.

По суше путешественницы добрались до Шлиссельбурга – бывшей Шведской крепости Нотебург, где их ожидал Петр.

«Государь не токмо что сам страстную охоту к водяному плаванию имел, но желал также приучить и фамилию свою, – пишет Андрей Нартов. – Сего ради в 1708 году прибывших из Москвы в Шлиссельбург цариц и царевен встретил на буерах, на которых оттуда в новую свою столицу и приплыл. И когда адмирал Апраксин, верстах в четырех от Петербурга, на яхте с пушечною пальбою их принял, Петр Великий в присутствии их ему говорил: “Я приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись впредь моря и чтоб понравилось им положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен часто бывать на море”.

Его Величество подлинно сие чинил и многократно в Петергоф, Кронштадт и Кроншлот с царскою фамилиею по морю езжал, для чего и приказал для них сделать короткие бостроки (безрукавки. – *Е. П.*), юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшие из Москвы и в вышепоказанном плава-

нии находившиеся были: царица Прасковья Феодоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, и дщери его – царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталья, Мария и Феодосия Алексеевны».

Вероятно, царицы и царевны впервые оказались в морском плавании, впрочем, оно протекало благополучно. А вот новая столица, уже прозванная «парадизом», встретила их неласково.

Маленький домик Петра I на Петербургской стороне, разумеется, не мог вместить царственных особ вместе со всей их свитой. Поэтому их поместили в доме губернатора. Цариц и царевен встречали праздничным салютом, потом начался пир.

Далеко за полночь утомленные гостьи уснули. В десятом часу утра их разбудил крик: «Пожар, пожар!». Вероятно, кто-то из пьяных гуляк, засидевшихся вчера за столом ненароком поджег дом. Все люди спаслись; но бóльшая половина верхнего жилья сгорела со многими вещами и пожитками. Стало ясно, что нужно обзаводиться собственным хозяйством.

Петр I отдал распоряжения о строительстве домов и повез семейство знакомиться с окрестностями города. Первым делом съездили в Кронштадт, полюбовались на строящиеся форты и верфи, затем выехали в Нарву, осмотрев по пути Копорье и Ямбург. В Нарве отпраздновали День ангела государя молебнами, пушечным салютом, фейерверками и сно-

ва торжественным обедом. Затем государь поехал далее, навстречу Полтавской битве, а женщины вернулись в Петербург.

Прасковья с дочерьми поселилась на Петербургской стороне, где в то время располагалась гавань, в которой теснились сотни кораблей из Ладоги, Новгорода и других городов с товарами и съестными припасами. Ее дворец деревянный, или мазанковый, как большинство домов в Петербурге, ближайшими соседями оказались князь А.Д. Меншиков, канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер Остерман, барон Шафиров. Рядом находился первый Гостиный Двор, сгоревший в 1710 г.

Позже семейству вдовой царицы выделили загородное имение, названное в честь ее покойного супруга Ивановским. От него получила название и речка Ивановка, прежде называвшаяся Хабой (Haapajoki – Осиновка).

Наталья Алексеевна тоже поселилась на берегу Невы, в Литейной части по соседству с Кикиными палатами, где тогда располагалась Кунсткамера (ее дворец стоял на том месте, где ныне проходит Шпалерная ул.).

На участке Натальи Алексеевны по ее приказу построили еще и отдельное здание богадельни. Это первая богадельня в Петербурге и одновременно первый «воспитательный дом», сюда приносили всех подкидышей, или «зазорных детей», как их тогда называли. Также царевне пожаловали мызу Хотчино (современная Гатчина).

Переехав в Петербург, Наталья Алексеевна «взялась за старое» и устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», т. е. дворянской публики. Петербургский театр тоже был любительским, пьесы для него писала сама царевна. Ее перу принадлежат «Комедия о святой Екатерине», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия», а также драма «Действие о Петре Златые Ключи».

Однако Наталья прожила в Петербурге недолго. Болезнь унесла ее в 1716 г. После смерти царевны более 200 томов из ее личной библиотеки (очень значительное собрание по меркам того времени) поступили в царское книгохранилище, а театральную часть отослали в Санкт-Петербургскую типографию.

«Князь-папа» и другие личины

Петербург в петровское время – город-порт, город-верфь, став столицей, он превратился в город официальных торжеств – в честь очередной победы в Северной войне, в честь спуска на воду очередного корабля, в честь приема иностранных послов. Но натура Петра слишком живая и неуемная, чтобы остаться в рамках придворного церемониала. Он истинный сын своего времени – неистовый в гневе, жестокий, жадный до развлечений, которые показались бы дикими и грубыми его утонченным потомкам.

Как все московские бояре, Петр глубоко религиозный человек, и вера с детства впиталась ему в плоть и кровь, что, как мы знаем уже, не помешало ему использовать церковную церемонию для решительной атаки на царевну Софью, атаки, которая немало способствовала его победе. Вероятно, его в этот момент совершенно не мучила мысль, что он поступает не по-братски и не по-христиански, затевая междоусобицу фактически на пороге церкви. Вероятно, полагал, что восстанавливая свои права на трон, он вершит божью волю.

Также вполне естественным и христианским поступком стало для него отвергать «папистскую ересь» и насмехаться над ней. И делал он это, как и всё в своей жизни – с размахом, создав «Всешутейший, всепьянейший и сумасброд-

нейший собор». Это произошло где-то в промежутке между 1688 и 1690 гг., то ли в последний год правления царевны Софьи, то ли после ее свержения, в первый год совместного правления молодых царей. Во главе собора стоял выбираемый «князь-папа». У «князя-папы» на голове красовалась епископская митра из жести с изображением бога вина Бахуса, а в руках – шкатулка в форме священной книги, внутри которой лежали склянки с водкой. Вместо панагии «князь-папа» носил на цепочке флягу. Верховный шутовской титул за время существования собора получили трое приближенных Петра: Матвей Нарышкин, Никита Зотов и Петр Бутурлин.

В собраниях принимал участие и «князь-кесарь», который облачался в царские одежды. Эта роль принадлежала Федору Ромодановскому, а позже – его сыну. Сам же Петр I скромно звался диаконом, протодиаконом или архиереем. Он целовал руку «князю-папе» и называл его правителем.

Борис Куракин рассказывает: «Теперь надобно сего не забыть и описать коим образом потешной был патриарх учинен, и митрополиты, и другие чины духовные из придворных знатных персон, которые кругом Его Величества были, более ко уничтожению оных чинов, а именно: был названной Матвей Филимонович Нарышкин окольничей, муж глупой, старой и пьяной, которой назван был патриархом; а архиереями названы были от разных провинций из бояр некоторые и протчие другие чины и дьяконы из спальников. <…> И

во время дня Вербнаго воскресения также процессия после обеда отправлялась на потешном дворе. Оной патриарх шутошной был возим на верблюде в сад набережной к погребу фряжскому.

И там, довольно напившись, разъезжались по домам.

Также и постановление тем патриархам шутошным и архиереям бывало в городе помянутом Плешпурхе[10], где была сложена вся церемония в терминах таких, о которых запотребно находим не распространять, но кратко скажем к пьянству, и к блуду, и всяким дебошам.

Оной-же патриарх с Рождества Христова и во всю зиму до масляницы продолжал славление по всем знатным дворам на Москве, и в слободе, и у знатных купцов с воспением обыкновенным церковным, в которых домех приуготовливали столы полные с кушанием, и где прилучится обедали все, а в других ужиновали, а во оных токмо пивали. И продолжалось каждой день до полуночи и разъезжались всегда веселы».

Все это действо не было чем-то из ряда вон выходящим, буйные гуляния перед Рождеством и на Масленицу, с ряжеными и непристойными шутками – старая традиция, как в России, так и в Европе, традиция, которую Церковь много раз пыталась запретить, но всегда безуспешно. О ряженых на Руси упоминают с XII в., и поскольку упоминают в офици-

---

[10] Пресбург (здесь) – «потешная крепость», которую строили для Петра в Москве.

альных документах, то всегда осуждают. Но, видимо, в людях с древнейших времен осталась потребность в особенные сакральные моменты погружаться «в вывернутый наизнанку» мир предков, природных духов и мертвецов, где все наоборот. Погружаться именно затем, чтобы потом обновленными вернуться в реальность. Ряженые меняли свой облик – становились на ходули, обматывали соломой руки и ноги, чтобы они казались толстыми и кривыми, подкладывали горбы под вывернутую наизнанку шубу, на костюм навешивали колокольчики, старые веники, лапти и др. Чтобы придать себе устрашающий вид, ряженые приделывали длинные клыки из репы, надевали на голову тыкву с вырезанными глазницами и прикрепленной внутри свечой, закутывались в белое полотно и т. д. Чтобы выглядеть чудно́ мужчины переодевались в женскую одежду, а женщины – в мужскую, при этом нередко на ноги надевали непарную обувь, на голову корзину или что-нибудь из посуды. На Русском Севере популярный персонаж святочных игр на посиделках – ряженый «покойником»: его одевали в белое, натирали лицо мукой, в рот вставляли торчащие зубы, вырезанные из брюквы, клали на скамейку, оплакивали, заставляли девок целовать лежащего. На таких гуляниях можно увидеть рядом людей, «представлявших» козу, коня, медведя, тура, аиста и журавля, чертей, ведьм, карикатурных нищих, солдат, цыган, евреев, немцев, арапов и тут же – святых Николая, Андрея, Варвару и ангелов. «Всешутейшия собор» вполне укладывался в эту тради-

цию. Правда, порой было очень сложно понять, смеется ли Петр над папистами, или глумится над Церковью вообще.

Известный русский историк Василий Ключевский писал: «Эти официальные празднества были тяжелы, утомительны. Но еще хуже были увеселения, тоже штатные и непристойные до цинизма. Трудно сказать, что было причиной этого, потребность ли в грязном рассеянии после черной работы или непривычка обдумывать свои поступки. Петр старался облечь свой разгул с сотрудниками в канцелярские формы, сделать его постоянным учреждением. Так возникла коллегия пьянства, или “сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор”. Он состоял под председательством набольшего шута, носившего титул князя-папы, или всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кокуйского и всея Яузы. При нем был конклав 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати. Петр носил в этом соборе сан протодьякона и сам сочинил для него устав…

<…> Первейшей заповедью ордена было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвыми. У собора, целью которого было славить Бахуса питием непомерным, был свой порядок пьянодействия, “служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками”, свои облачения, молитвословия и песнопения, были даже всешутейшие матери-ар-

хиерейши и игуменьи. Как в Древней церкви спрашивали крещаемого: “Веруеши ли?”. Так в этом соборе новопринимаемому члену давали вопрос: “Пиеши ли?”. Трезвых грешников отлучали от всех кабаков в государстве; инако мудрствующих еретиков-пьяноборцев предавали анафеме. Одним словом, это была неприличнейшая пародия церковной иерархии и церковного богослужения, казавшаяся набожным людям пагубой души, как бы вероотступлением, противление коему – путь к венцу мученическому. Бывало, на святках компания человек в 200 в Москве или Петербурге на нескольких десятках саней на всю ночь до утра пустится по городу “славить”; во главе процессии шутовской патриарх в своем облачении, с жезлом и в жестяной митре; за ним сломя голову скачут сани, битком набитые его сослужителями, с песнями и свистом. Хозяева домов, удостоенных посещением этих славельщиков, обязаны были угощать их и платить за славление; пили при этом страшно, замечает современный наблюдатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.